

КАРАСИК

Из цикла «Запахи детства»

Отец был болен уже несколько дней подряд и почти не вставал с постели. Лето в этом году после суровой зимы наступало медленно. Холодные утренники сменялись жарким полуднем, а утром снова блестела сухая изморозь на зелёной траве. Половодье из реки Ичи тоже уходило в низовье понемногу, обнажая мои привычные места, удобные для рыбалки удочкой.

Ранее рыбалил возле самого нашего дома с мостков, но из-за затянувшегося половодья, под нашим крутым берегом мостков ещё поставить не успели.

Днями топтался с удочкой по топким берегам, благо – мои босые ноги не боялись ни воды, ни травы, ни любых колючек – соколовские ребятишки все ходили босы с весны и до снега.

В общем – рыбачил не очень удачно. Несколько окуньков, пескарей – мелочь. На радость котику Артёмке, который понимал пользу в моей рыбалке, и как только я шёл к реке с удочкой, следовал за мною. Да и посмуревший отец светлел лицом, разглядывая мою добычу. Радость....

Так и прошёл весь июнь из наступивших летних моих каникул.

Но однажды, надев мамины резино-

вые сапоги, прошёлся я вниз по реке с удочкой, подступиться к реке было из-за скользких берегов трудновато. И я решил испытать удачу, остановившись около нашей бани. Среди зарослей камыша изловчился и забросил удочку среди лопушин, без всякой надежды на успех. Стоять среди рогуз и камышей было не очень удобно, крутой спуск, ещё не просохший после только что отступившего паводка, с жидкой почвой, тянул меня вниз, и я соскальзывал к воде. Комары жалили лицо, руки и голову сквозь кепку. Однако, краем глаза заметил – поплавок мой, едва коснувшись воды, сразу же пришёл в движение, притонул, направился к лопушкам.

Тащу удилище, ощущая добычу, ранее недоступную – тяжело и пружинисто гнулось моё ивовое удилище. Захлебнулся азартом и радостью – из-под лопухов с треском вытягиваю завидную добычу – карася. Ранее в деревне на удочку никто такую добычу не ловил. Не ловились караси – и всё тут. И вот – такая удача!

С удочкой, в грязных сапогах – в дом с возгласом, дрожащим от радости: « Па-а-пка, кар-а-ся... »

Страдающий отец приподнялся с кровати, нашёл сил улыбнуться, присесть над ведёрком с такой добычей. Карася серебристого протестующего, с красными плавниками и хвостом, и темноватой, слегка бронзоватой спинкой, я поместил в эмалированное ведро с водой. Над ним теперь сидел отец, и, рассматривая добычу, улыбался.

Подъехала на лошади мама и повезла отца в больницу в соседнюю деревню Вех-Ичу. Прощаясь, хлопнул отец меня легонечко по худым лопаткам, вялая его ладонь прошла по затылку, остановилась на моей тонкой шее: « Держись, рыбак... »

Через дня три отца не стало. Карась – моя первая достойная добыча так и плескался в ведёрке в прохладных сенцах. Я подкармливал его хлебными крошками, котик Антон так и сидел возле ведёрка, но выловить в глубоком ведре котёнку-подростку солидную

рыбину было не под силу. А позднее он потерял всякий интерес к рыбице.

С похоронами отца про карася как-то забыли. Так он и прожил всё это время в ведре в прохладных тёмных сенях.

На девятый день кончины мама организовала поминки. В переднем углу перед образами теплилась свеча, и всё это время стоял и стакан с водою, накрытый, по обычаю, ломтём хлеба. Воду и хлеб каждый день меняли мы с сестрёнкой. Так положено было до сороковин....

Собирая людей на поминки, мама напомнила мне поменять хлеб и воду. Воду брали всегда из проточной реки, и я пошёл к реке со стаканом – река-то протекала прямо под окнами. Вдогонку мама крикнула мне принести ведёрко воды. Я вернулся, порожнего ведра не оказалось, и тогда я обнаружил в сенях ведро с карасём.

Рыба как ни в чём ни бывало после стольких дней пленения была жива и жизнерадостна. Я понёс ведро к реке. Ещё рассмотрел свою добычу.

Какой красивый и большой, речной, но почему-то редкостного серебристого цвета, крепкий карась! Обычно в реке ловили сетями или мордушками золотистых рыб....

Я выплеснул воду из стакана, набрал свежей, поставил на возведённые недавно мамой, мостки. Из ведра вытащил карася – и пришла мысль: «Папки теперь нет, а ты, живи, серебристый...» И выпустил рыбу в светлые струи родной реки.

Он, как бы, не поверив, в своё освоение, замешкался на мелководье, где оказался среди набежавшей стаи крупных серых пескарей. Но потом плавно и медленно скрылся в водорослях, где глубже, в подводных этих лесах, волнуемых течением, сверкнув в золочёных струях воды и солнца живым серебром.

– Живи, карасик!

23.11.2014

В АВГУСТЕ, НА МАЛОЙ РОДИНЕ

Светлой памяти Б. Отрокова

Чудно! Чудно попасть в родные места через много лет, да ещё в те места, где прошло твоё детство.

Июль отцвел, ушёл горячий и безветренный – летний средний брат из двенадцати месяцев. Август в разгаре.

Оглядываю издали место, где стояла деревня, реку. Все знакомо и незнакомо. Знакомы очертания леса, некогда окружавшие деревню, изгибы реки, но на месте бывших дворов высокий, в рост человека, пырей – не проломиться: сочный, зеленый. Скосить бы на сено, да некому.

Приехал я в гости к родным местам, хожу вдоль реки, волнуясь. Сохранились белые лилии – чиста, знать, речка Ича, вон и рыба плещется. Дохожу до прокопа: канава, прошедшая на многие километры по лесам и болотам, построенная в начале двадцатого века, регулирующая сток паводковых вод, на карте обозначенная как Андриковский канал, действует до сих пор безотказно. Кто строил ее? Может, предприимчивые крестьяне, осевшие на сибирских землях, а может быть, безымянные каторжане, провинившиеся перед правителями?

Здесь, на выходе прокопа к реке, много лет назад, мальчишкой, любил я рыбачить удочкой. Брали здесь крупные окуни и желтые ядреные речные караси, любила обитать здесь и щука.

С волнением разматываю леску на удочке, наживляю мотылька, забрасываю. Поплавок сносит течением, леса натягивается. Перебрасываю удочку бесчисленное количество раз, но все бесполезно. Жара – рыба к полудню ушла вглубь, где вода прохладнее. Воткнул удилище в глинистый берег, брожу по лугу. Как много воспоминаний связано с этим клочком земли, что зовётся малой родиной...

Вот лужок, где мы играли в лапту по первым проталинам, зарос высокой травой, дальше заболотился. Сколько

же раз я вымерял его своими резвыми ногами, загоняя домой скотину, гоняясь за мячом или бабочками, а то и просто от избытка чувств пускался я по нему – по весенним синим лужам или жёлтой траве, покрытой инеем, по первому снежку. Все едино он был желанен мне и красив в любое время года. И не только мне – моим отцу, матери, сестрёнкам, сверстникам, всей Соколовке, которой теперь уже нет.

Весь день проходил я по реке в великом волнении и смятении, по земле моей бывшей родины. «Почему же бывшей?» – ловлю себя на подвернувшемся вопросе. Пока я жив, этот уголок дорог мне, дорог и всегда желанен, милая моя родина...

Не клевало, лишь к вечеру, когда спала жара, дернуло лесу резко и повело поплавок, утопило. Дрожащими руками хватаю удилище, тяну его – пружинистое, звенящее натянутой лесой. Не помня себя от азарта, вытаскиваю крупного окуня, праправнука какого-то из тех красавцев, которых я ловил здесь когда-то в детстве. Затем еще одного и еще. И клев прекратился. Так бывало всегда – подойдет стайка вот таких красавцев в поисках добычи, налетит на мелкую рыбешку, кого схватит, кого разгонит. Не подумаешь, что живут разбоем: вон какие ладные, красноперые плещутся в моем ведерке, загляденье!

Только поздно, когда начинает темнеть, осторожно, очень осторожно, но уверенно кто-то повел поплавок вглубь. Чуть выжидаю и осторожненько тяну удилище. Солидная рыба ходит под водой кругами тяжело и пружинисто, норовя уйти вглубь. Осторожно подтягиваю ее, бьющуюся, борющуюся со мной, на мелководе, хочу вытащить на берег, но тяжелая рыбина плюхается в воду у самого берега, сорвавшись с крючка. Бросаю удилище, прыгаю к воде. Плотная, чешуйчатая, отливающая медью спина рыбины торчит из воды. Карась-шестерик, а может, и более, где там разберешь, потеряв ориентир, бьется на мелководе, почему-то тычется своим тупым

носом в берег, в мои сапоги, бьет, бьет хвостом, брызгая мне в лицо.

Смеркается. Удочку больше не забрасываю. Рыбы в моем ведерке протестуют, бьются, плещутся.

Сижу на берегу, смотрю на темную воду, которая полна потаенной жизни. Где-то неподалеку крикнула утка, мягко, грудным, словно женским, голосом спросила что-то у кого-то, ей никто не ответил. Очертания противоположного берега размыты – то ли темнота, то ли туман, что разлился на той стороне ватным облаком. Молча в темнеющем небе пролетел поздний гуляка-чибис. Пустынно вокруг, но вода в реке, камыши и ивы полны жизни, всплесков и шорохов.

Молча, очень уверенно, не спеша, с достоинством ведет по реке прямо рядом со мной, у берега, мамаша-утка свой выводок: то ли верит мне, то ли показать своих деток хочет. Встретить здесь кого-то, конечно же, они не ожидали, но, разглядев меня, крякуха-мама слегка, в треть голоса, молвила своим, кажется: «Не бойтесь!» Однако косит на меня, слегка ускоряет движение. А дети, уже почти что взрослые, такие ладненькие, чистенькие, живые и добрые, тоже – с достоинством, без шума и канители проследовали за ней. Залюбуешься! Чуть отплыв, они начали кормиться, полоскались и переговаривались. И тут же следом – другая, у самых моих ног, тоже со своей дружной семейкой. Выводок поздний, утята малы еще, доверчивы, так и захотелось погладить рукой по их пушистым теплым головкам. Ужас приходит, как представишь, что кто-то грохнет дробью по этим живым и доверчивым комочкам...

Надо разжигать костёр, готовить уху, но не хочется нарушать покой природы светом, дымом костра, тревожить обитателей ночного луга и реки. Так и сижу в темноте, замороженный прелестью летней ночи, у самой воды. Тихо, уютно, тепло, туман...

Плещутся отчаянно рыбы в моем ведерке, и я уже сожалею, что лишил их воли, не хочется мне уже и ухи.

Подхожу к ведерку, нашариваю в нем карася, беру обоими руками, он бьется, выскальзывает, но тут же опять оказывается в моих руках. С радостью выпускаю в реку, он недоуменно ворочается на мелководе, плещется, опять тычется в берег, но, поняв, что на воле, плеснув мне в лицо водой, отчаянно бьет хвостом, разворачивается и исчезает в темной воде едва угадывающейся медленной тенью. Возвращаюсь к ведерку, два первых пойманных окуня уже снулые, третий живой, быстрый, едва опущенный мною на то же мелководе, мгновенно исчезает в глубине.

Теперь сижу у небольшого костерка, на бесшумном ровном огоньке закипает в котелке уха из двух окуней. От света, хоть и неяркого, ночь кажется уже темнее. Сверкнула за лесом зарница, чиркнула по небу яркая звездочка, от реки звуков теперь доносится меньше. Настораживает мой костерок всех ночных обитателей реки и луга. Туман становится плотнее, но все же не освежает.

– О-о-а! – доносится со стороны бывшей деревни из темноты. И опять: – О-о-а!

Вслушиваюсь, и кажется мне, что зовет меня мама. Так звала она меня, когда я задерживался на рыбалке, здесь же:

– Во-о-ва-а!

– О-в-а-а! – кажется мне, напрягаю слух, и слышу наяву - то же самое:

– О-в-а-а!

Но деревни давно нет, мамы давно нет, и становится как-то не по себе. Может, этот звук долетел из отдаленной, кое-как живущей еще соседней деревеньки Степановки. Может, гуляющий в лесу зверь подает свой голос. А может, кричит в ночи зарастающая травой и лесом брошенная земля. Обидно ей: бросили ее люди, а она им служила верой и правдой. Хочется ей родить хлеб, кормить людей и скотину, а взамен получать заботу и ласку. А может?..

Все может быть. Вечер, почти ночь. Зрелый август на исходе лета.

КРОКОДИЛИЩЕ

Всем известно, что крокодилы у нас не водятся, но можно и поспорить. Беднеет наша природа, но вот еще совсем недавно...

Июль. Река Ича. Я у устья впадения Андриковского канала в реку. Мне всего-то одиннадцать лет. Здесь только клюют редкие в нашей реке окуни. Я представляю: в водяных дебрях реки налетит стайка этих хищников, мелкие рыбёшки – в разные стороны, наживку берут напористо, не то что пескарь или карасик, подсекай, знай, наверняка. И стайка исчезает. Немного, но штук пяток поймать из стайки можно.

Вечереет. Вот и безмолвный коршун полетел домой, где-то в яму на старой березе-коряжине у него гнездо. Летит он как-то безразлично, не спеша, сумерки уже, видимо, не очень-то надеется различить добычу, или просто сыт. Пяток кроншнепов протянул над рекой, тоже безмолвно, только посвист крыльев – тоже на ночлег. Сегодня окуней почему-то нет, а между прочим, уже и темнеет. Вон, мимо меня уже из камышей проплывает выводок утят с мамой-уткой. Они ко мне изрядно привыкли, и совсем меня не боятся, проплывают совсем рядышком, слегка только косясь на меня – на перекат, где отмель, там река свободна от водорослей, но там на отмели можно и кормиться.

Окуней в тот вечер так и не было.

Начало августа. Я регулярно по вечерам рыбачу там же, хотя окуни здесь теперь почему-то редки, зато ловится хороший речной карась. Выводок уток так же регулярно проплывает мимо меня. Ах, какое благодатное здесь место! Вон и луна уже серебрит окрестности. Вот и выводок поравнялся со мной, невольно замечаю, как похорошели утки, повзрослели. Но замечаю и то, что мало их становится. Было-то одиннадцать только малышей, а теперь с взрослой уткой только восемь. Да, восемь...

Но вот из глубины вскипела вода, в разные стороны, как горох, плесканули

ным голосом, взвилась свечой, и тут же присела на перекате, сзывая детей. Они тут же поспешили к ней. Поначалу я подумал, что испугала птиц ондатра, что было и похоже, но вот вижу – исчезла будто одна молодая уточка. Но... крокодилы-то у нас не водятся. Осторожно обошел поворот реки, вышел к перекату: чуть успокоившиеся утки на меня не обращали никакого внимания, но опасливо озирались на то место, где произошел переполох. Я пересчитал выводок – семь всего, странно. Утята гибнут в основном от хищных птиц, и очень часто, а тут – вообще непонятно.

Начало сентября, но еще тепло, уже открыта осенняя охота. Утро солнечное, но роса – уже не роса, а разноцветный колкий иней. Но солнышко преобразает окрестности реки и деревни, и кажется, что разноцветный иней с лугов испаряется, переходит в туман, что так плотно и уютно окутал окрестности. На озерах за лесом гремят выстрелы утренней зари, на реке тихо.

Я с ружьем в окрестностях Андриковского канала, там, где всегда рыбачил. Я твердо решил, что «свой выводок» крикух я стрелять не буду. Подхожу к устью, взлетают утки знакомого выводка, всего-то их теперь осталось пяток вместе со старой уткой. «Пусть летят», – думаю, но они летят всего до переката и там садятся на воду. Спускаюсь под берег у самого устья канала там, где всегда рыбачил. Сладко, приятно думается об ушедшем лете, таком хорошем, теплом, а сколько их таких еще впереди! Хорошо-то как у любимой реки, уютно, прохладный воздух бодрит и волнует. Всё здесь до боли знакомо и дорогое, родное: изгибы реки, куст тальника на противоположном берегу реки, лилии белые – вон, и вон тоже знакомое в реке у берега бревнышко-топляк. Ух, и тяжеленное, мы тогда вдвоем с Ленкой его так и не смогли выволочь. Я разглядываю бревнышко. Тепло ласкает солнышко, но что это? Слева от меня в воде замечаю еще бревно, тоже перпендикулярно берегу, но... это бревнышко взрывается брызгами воды,

превратившись в огромную рыбину, уходит торпедой с огромной разинутой пастью стремительно в глубину. Щука, вот так щучина! Мне даже страшно стало, пасть-то огромная зубастая. А я здесь крючки зацепившиеся лазил отцеплять!

Приехавший в деревню к соседям родственник дядя Саша, военный летчик, уже через день стал моим лучшим другом. Мы с ним таскали бредень в уже похолодевшей реке, варили на костре уху. Он интересно рассказывал об армии, о взрослой жизни, а самое главное – подарил мне несколько заводских, дефицитных тогда, рыболовных крючков – целое состояние для мальчишки. Тогда-то и рассказал я ему про щуку и про выводок касатух, на что он уверенно заметил: «Большая, говоришь, щука?» Я пытался руками показать, но рук-то моих не хватало, и тогда я сказал, что, наверное, с меня ростом. Он недоверчиво смотрел на меня, и уверенно предположил, что она-то и пожрала моих утят.

Уже через день после этого мы пропадали на реке с самодельной блесной из алюминиевой ложки. Удилище – обыкновенная длинная талина с моей старой удочки. Щучки ловились, было время как раз для блеснения, но так, не более килограмма, две-три, но мне-то это было в диковинку, в деревне никто на блесну не ловил, даже про такую ловлю, кажется, и не знали.

Следующий день был хмурым и прохладным. Мы по всей реке прошли до самого канала, все без добычи. У канала посидели на берегу, поговорили с пастухом у стада, двое мальчишек-подпасков были немного младше меня, и с ними мне было беседовать интересно. А дядя Саша уже кидал блесну как-то лениво и неохотно у самого канала.

Мы молча наблюдали за ним с высоты берега, как он кидает блесну, раз-другой, третий, вот блесна прочно зацепилась за лопух, дядя Саша морщится, тянет туда-сюда, пытается отцепить, показалось, что вот уже и отцепил, но освободившаяся блесна

опять зацепилась за что-то. С высоты мы видели, как дядя Саша тянет с натугой снасть, а вослед блесне тянется какое-то бревно или кол. Удилище гнется, но бревнышко тянется хоть и с натугой, но без рывков.

Неожиданно самый маленький из пастушат, очевидно, самый зоркий, белобрысый с облупленным носом Васятка невыносимо громко и пронзительно как заорёт: «Р-лыба, дядя Саша, большая»...

Добыча ожила, вспенив осеннюю прозрачную воду, удилище изогнулось дугой, хрустнуло. У дяди Саши в руках остался лишь обломок моего заветного удилища.

Освободившаяся рыбина с блесной и обломком удилища исчезла в глубине, цепляясь им за водоросли. Несмотря на холодную воду, мы бросились в реку, плавали среди лопухов и водорослей, выискивая обломок моего удилища, надеясь по нему отыскать добычу, но тщетно.

Щуку нашу обнаружили дней через десять мужики из соседней деревни. В сравнительно теплый осенний день коротеньким бредешком цедили они реку, вылавливая на мелководьях и плесиках рыбёшку. Дошли до устья канала, как один из них, таща бредень, запутался в водорослях, там и обнаружил погибшую полуразложившуюся рыбину. Кое-как вытащили смердящую добычу с обломком удилища и огромным пучком водорослей на берег. Это была рыбина огромных размеров. Мужики мерили ее для интереса спичечным коробком и удивлялись ее размерам – метр сорок с лишком.

– Крокодилище, – произнес один из них. – Ну и пасть!

– Ну и страшилище, – добавил второй.

А мы, ребята, с опаской рассматривали с расстояния это чудо, были согласны с ними, но боялись приблизиться.

Апрель 2000 г. Г. Куйбышев.

ВОЗДВИЖЕНЬЕ

Осень еще не знала, что делать со своим золотым нарядом. И всё замерло в ожидании её решения. Пламенно рыжие березняки и травы, огненно-красные осины, жёлтые-жёлтые стога сена, копны соломы на сжатых нивах с утра дымились туманами, в полдень сияли в янтарном теплом воздухе. После полудня, когда воздух был достаточно прогрет, осень гнала тенета тёплыми потоками, не дыша ветрами на торжественно-хрупкое великолепие своих нарядов. Лишь Андриковский рям в тёплом мареве бабьего лета неизменно темнел своей густой хвойной зеленью. Там уже несколько дней над озером стоял гомон – водоплавающие табунились, готовясь к отлету...

С ружьем и десятком патронов я заспешил к озеру через нарядно-торжественные окрестности. Сотни птиц стаями и в одиночку густо летали над озером, садились и вновь поднимались, делая прощальную разминку, гоготом, криканьем и свистом маня меня, и без того загоревшегося азартом.

Я уже был невдалеке от кишашего птицей озерка, как с ужасом обнаружил: на оставшемся торфяном пути, прогретом солнцем, расположились десятки гадюк в различных позах. Растянувшихся и свернувшихся калачиком или восьмеркой, поодиночке и по несколько штук клубком – серых, черных, полосатых, желто-серых и других расцветок. С не меньшим ужасом смотрю под ноги – и там змеи. А дальше, на пройденном пути – тоже они. В азарте я так спешил к озеру, что и не заметил их.

Волосы шевельнулись под кепкой – нужно было как-то выбираться назад, теперь не до охоты. Ружье для прорыва из такого окружения здесь было бесполезно. Благо, змеи почему-то на меня почти не обращали никакого внимания. Из камышей, кочек, кустов и зарослей молодых сосенок и багульника они спешили на теплую торфяную дорогу. Через багульник и сосняк я было хотел напрямик уйти от такого наваждения, но и там то и дело

наткнулся на спешащих к дороге змей, что в зарослях усиливало опасность. Тогда, вооружившись сухой и длинной палкой, я пробрался назад, к дороге, и поспешил от озерка, где сбрасывая гадюк палкой с пути, а где – просто не глядя ступая по их телам с одним лишь великим желанием – вырваться из их неприятного и опасного общества.

Уж и не помню, как я очутился дома. От охотничьего азарта тогда во мне уже не осталось и следа. Видом, наверное, я был не в себе, так что пришлось про все рассказать маме. На что она, поправляя концы платочка на голове, ответила одним лишь словом: «Воздвиженье»...

ЧЕРТ В КАМЫШАХ

Осень. Мой хороший знакомый, деревенский мужик лет тридцати, по погоде и весел. А погода – золотые денечки начала сентября. Дожди пролились в слякотном августе, изжаждавшаяся за сухое лето земля дождевую влагу приняла всю без остатка, но вместо того, чтобы буйно зазеленеть так, как ей хотелось все лето, зажгла веселый прощальный костер осени, справив торжественно чуть грустные поминки по ушедшему лету.

С утра холодно – праздничные солнечные дни к полудню перерастали в знойные, усиливая солнечными бликами грустно-веселые краски осеннего пейзажа, радуя душу своей веселой мимолетностью, неповторимостью, сознанием скоротечности.

Мой приятель куда-то собирался, когда я шагнул к нему в ограду. Обрадовавшись моему появлению и приветливо поздоровавшись и щурясь от солнца, он, как бы между прочим, крикнул сынишку: «Никитка, а Никитка, да где ты, за смертью тебя посылать?» Но Никитка был уже тут как тут, молча стоял за мной, как бы растерявшись, увидев меня, незнакомого ему.

Приятель с сынишкой собирался поехать на ближайшее озеро – про-

верить стоящие там мордушки. Для компании, видимо, я так был просто и радушно приглашен, что отказать в поездке этим премилым людям было никак нельзя, да и сам я был обрадован предстоящему общению с осенней природой и приятелем.

У озера. Товарищ, прихватив двустолвку, пошел к озеру. Мы с Никиткой остались у мотоцикла, присели на осеннюю траву, любуемся багряными окрестностями, затем идем в ближние колки посмотреть грибов. Мой теперь уже товарищ, четырехлетний Никитка, по-видимому, с природой уже давно на «ты», картаво щебечет со мной, торопливо впереди меня бежит почти к колку. Не впервой ему это, видно по нему – деловит, по-взрослому серьезен, и это увеличивает прелесть моего общения с ним. Молодчага! А рассуждает так деловито. До чего же милы и разумны эти сельские мальчики!

Грибов набрали немного, и, испачкавшись в паутине среди кустов, вернулись к мотоциклу.

Отец Никитки с озера не возвращался – устроился на перелете караулить крикух, и парнишка, получив исчерпывающую от меня информацию на все волнующие его вопросы, явно заскучал. Он посидел на траве и, решившись, сказал мне: «Пойду к папке».

Озеро – рукой подать по тропинке, мальчонка же здесь с отцом не в первый раз. Я отпустил его и остался сидеть на желтой траве перед горкой осенних грибов. Не прошло и десяти минут, как я увидел бегущего изо всех силенок со стороны озерных камышей плачущего мальчонку. Встревожившись, я сорвался ему навстречу.

– Там серьт, серьт в камышах...

Я стал успокаивать его, говоря, что черти вообще не водятся, но заплаканный парнишка твердил одно и то же – «серьт». Мне было ясно, что на тропе среди камышей он обнаружил что-то необычное.

По тропе среди камышей я пошел к озеру, успокоившийся Никитка вытер слезы, изредка шмыгал носом, опас-

ливый теперь, осторожно ступал за мной. У раздвоившейся тропы молча указал на развилку. Камыши с каждым нашим шагом становились все выше и гуще, и вот Никиткиных шагов за спиной я уже не ощутил, оборачиваюсь – парнишка стоит уже на расстоянии от меня и знаками показывает – мол, здесь. Я этих знаков сразу не понял, и иду по тропе, оглядываясь на него. Как вдруг – о, господи! Неужто этот самый? Стоит передо мной цапля-не цапля. Их-то у нас не водится, но похожа, неказистая огромная серая горбатая птица с огромным клювом, и из него как будто бы в обе стороны усы торчат. Замахивается на меня крыльями, глазами белыми зло вращает и шипит так громко, щелкает клювом: «Ф-фы-ыб! Ф-фы-фыб!» Страшно, в общем-то, и клювом норовит ударить. Я обернулся на парнишку – его как ветром сдуло, повернулся и пошел назад, отмахиваясь от птицы, озадаченный вопросом – кто бы это мог быть. Не мудрено – Никитка за черта принял. Пошел по знакомой тропе, да нечаянно свернул на развилку тропы – не туда, в общем, наткнулся на это чудище, взрослому-то страшно.

Никитка с отцом уже шли мне навстречу. Отец, хитро поглядывая на сынишку, спрашивает у меня – страшно ли? Никитка опять повторял то же слово «серьт», что по его понятиям было что-то страшное.

– Фыб это, – улыбаясь, успокаивал меня приятель, но я такой птицы что-то не знал. Тогда он растолковал – так зовут ее деревенские по звуку, издаваемому ею, когда она нападает, шипит да щелкает клювом.

Я принял это как должное, но не успокоился, пока не выяснил сути. Выпь это, появилась она в нашей местности неожиданно. Теперь опять ее не видно в наших местах, этой страшной птицы под названием «серьт» – так обозвал ее со страху Никитка.

Май 2000 г. Г. Куйбышев.

КОТ КАМЫШОВЫЙ

Однажды на исходе осени бродил я с ружьем среди озерок, входящих в систему болотно-озерного рямного уголка: Андриково, Брусничное, Феклино, Фомкино, Карповича, Боковое – озерки расположены в кучке, среди ложбинок заболоченных, закочкаренных, поросших камышом и густой высокой осокой.

Дни осенние, яркие, на исходе осени, а даже и жарко, солнечно. Летели тенета, паутина. Утки собирались в табунки, дичились, и в предотлетном состоянии плавали только в табунках на серединах озерок – осторожничали. Я обошел несколько озерок и без добычи вышел на гривы – собирался идти домой. Посидел на старой согнутой березе, росшей почему-то параллельно земле, могучий ствол которой не стремился в небеса, а тянул макушку к юго-востоку, зато мощные толстые ветви с рыжими, звенящими, почти что сухими листьями, тянулись в знойные, не по-осеннему голубые небеса. Очень удобная беседка – мощный ствол в полуметре-метре от земли, мощные сучья в виде беседки кем-то давно заплетенные и так давно живущие, живые, удобные для сидения, откуда я невольно залюбовался открывшимся осенним пейзажем. Преобладали рыжие тона в природе.

Там вот, за рямом озерки, обойденные мной – все скрывают рыжие высокие камыши с темными метелками макушек, среди них кое-где мертвые стволы березок, кое-где живые стволы березок с редкой, почему-то зеленой еще листвой, тальники. Не зная о существовании озерок ни за что бы не нашел их. А так вон есть и ориентир – утицы над одним летают. Летят в мою сторону, сворачивают, и среди рыжих камышей падают совсем близко от меня на какой-то из плесов. Я вспоминаю: в отдельные годы эти плесы соединялись в один и служили кормушкой для водоплавающих, но нынче... нынче сухо, а впрочем, куда-то они приводнились.

Я вылез из такой удобной беседки,

и пошел в камышовую неизвестность, рыжую и глухую, надежно скрадывающую и без того мои осторожные шаги, к моему удивлению, вскоре я вышел на довольно широкую тропу среди высоких камышей. Кто-то из охотников до меня не раз охотился на кормовом плесе – тропа набита, чуть влажный торфяник даже не пружинит под ногой. Ближе к невидимому плесу тропа расширялась, хотя камыши были тут гуще и выше. Я шел по просеке.

Неожиданно, от меня довольно далеко, впереди – из левой стороны камыша, через тропу в правую сторону мелькнуло что-то рыжее, бесформенное, трудно сказать, кто бы это был, но это был довольно крупный зверь, будто бы несший какую-то добычу. Я дошел до того места, обнаружил примятый раздвинутый камыш по обе стороны просеки. Свернул в сторону, где зверь скрылся, и обнаружил среди камышей задушенного зайца – зайчонок, довольно большой, почти взрослый, первого весеннего помета. Свежий, животик разорван, шейка на горле замусолена хищником. Странно – заяц летом и ранней осенью в камышах-то гулять не любят. Кто же хозяин добычи? Примятый и чуть раздвинутый камыш, образуя едва заметную тропу, указывал направление скрывшегося добытчика. Может, лисица, хотя не похоже?

Я оставил зайца и выбрался на главную тропу, и спустя несколько минут вышел к плесу. Осторожные утки слетели, не дожидаясь меня – у них свои особые приметы на опасность. Плес был довольно широк для нынешнего сухого года, обрамлен высокими камышами, мелок – идеальная кормушка для уток. Кто-то хорошо здесь охотился: скрадок в камыше, множество пыжей на воде, следы болотных сапог и перо битой дичи, окурки у скрадка. Я посидел часок в скрадке, но счастье мне не улыбалось – утки не летели.

Прошла в ожидании еще пара часов, и я решил, что ждать добычу уже бесполезно, покинул скрадок. По дороге назад взяло меня любопытство – кто же хозяин добытого зайца. К

удивлению моему, я зайца на прежнем месте не обнаружил, и любопытство повело меня дальше по едва заметной просеке – едва раздвинутому камышу от места, где всего около часа назад лежала добыча. Увлечись, я и не заметил, как наткнулся на хозяина – истошный мартовский кошачий вой вперемешку с шипеньем и громким фырканьем ошеломил меня. Впереди на открытом пространстве, видимо, на пересохшем плесике – огромная ощерившаяся рыжая кошка с горящими яростью глазами, готовая до конца защищать добычу или защищаться, явно опасная для меня, даже вооруженного ружьем, которое я не хотел пускать в дело: на меня же не нападали, я сам пришел, ведомый любопытством. Но и для гуманных размышлений не было места и времени – опасность была нешуточная. Пятясь и не сводя глаз с разъяренной вопящей огромной кошки, путаясь в камышах с ружьем наготове, я покинул пределы ее обитания и успокоился, когда шипение и вопли ее стали до меня недостижимыми. Это явно была не рысь, как мне показалось на первый взгляд. Но кто же? Огромная рыжая кошка в камышах! Ошибиться я не мог.

Я перерыл дома имеющуюся ли-

тературу об обитателях наших лесов, но ничего вразумительного не нашел, пока под руку не попала «Красная Книга СССР». Там я нашел на иллюстрации удивительно похожего на увиденного мной кота. Надпись гласила – камышовый среднеазиатский кот. Да, очень похож, очень, – подумал я, но на том не успокоился.

Потом у случайно подвернувшегося старого знакомого промысловика я поинтересовался, рассказав ему об увиденном – о необычной встрече в родных окрестностях.

– Ты не ошибся, – услышал я в ответ, – камышовый это кот. Камышовый кот и наш, не среднеазиатский.

Я возразил ему: «Литература-то по нашим местам ничего подобного не говорит».

– Литература, литература, – несколько озлился он, – она ничего о том не знает. Наш это кот, камышовый. Повезло тебе, не каждый может увидеть его, да и мало их теперь. Я вот за сорок лет работы промысловиком всего-то дважды видел, одного добыл ради любопытства, жалко теперь, зря. Красивый ловкий зверь. Обыкновенный это кот – большой камышовый, наш кот.

Апрель-май 2000 г. Г. Куйбышев.